

«Выйти из тени»: переосмысление женственности в исследованиях девичества»

Ольга Здравомыслова, исполнительный директор «Горбачев-Фонда»

Социальная мысль от Аристотеля до Эрика Эриксона определяла подростковый возраст как особенный, критический период в становлении человека. Этот промежуток жизни обычно помещают между одиннадцатью и двадцатью годами, называя переходным и переломным - периодом “бури и натиска”, временем “нового рождения”. В центре внимания исследований подростковости традиционно оказывался мальчик - активный, бурно сопротивляющийся воспитателям, склонный к крайностям и рискованному поведению. Девочка-подросток до недавнего времени оставалась в тени.

В русском языке слово “девичество” ассоциируется со стариной, миром традиций и атмосферой тайны. В ней, как в коконе, скрытая от чужих глаз, девочка становится юной девушкой, готовится к “выходу” в жизнь, включая главное ее событие - встречу со своим избранником. Этим исчерпывается традиционный сценарий девичества, описанный еще Александром Пушкиным: “...но царевна молодая, тихомолком расцветая, между тем росла, росла, поднялась - и расцвела”. Ключевой образ - *таинство* взросления (“тихомолком расцветая”) - указывает на непроявленность характера, отстраненность от мира и от самой жизни.

Скрытость и скрытность, невидимость и безгласность - это коннотации девичества, характерные для его описания в разных обществах. Доминирующий в культуре образ девочки и юной девушки всегда был частью картины мира, построенной на полярных гендерных различиях: за будущей женщиной - в отличие от будущего мужчины - не признавалось право на активность, на размышление и действие.

Сказанное отнюдь не означает, что взросление реальных девочек совсем не занимало общество. Начиная, по крайней мере, со второй половины XIX века, когда, как считает Филипп Ариес, в жизненном цикле человека был “открыт” подростковый возраст, можно говорить и об открытии девичьей культуры. Под ней сейчас понимают целую сеть институтов, культурных практик и дискурсов, в которых девочки и юные девушки выделяются в особую возрастную и

гендерную группу. В социально-гуманитарных исследованиях девичья культура долго оставалась и во многом продолжает оставаться белым пятном.

В защиту идеала женственности: от викторианской Англии к постсоветской России

Знаменитое эссе англичанки Элизы Линн Линтон, опубликованное в 1868 году, сделало английскую девушку того времени одним из важных объектов общественных дебатов. Линтон выступила в защиту “старого” идеала благородной и скромной девушки, которому, с ее точки зрения, угрожали, с одной стороны, идеи женской свободы и “новой женщины”, а с другой стороны, новые практики потребления, захватившие умы и стремления девушек. Линтон резко критиковала “тип времени” - юную англичанку, чьи заботы - лишь развлечения и роскошь, а “красивое платье - единственный объект, который полностью поглощает все ее мысли”[1]. В заключительных строках автор призывала девушек вернуться к “старому английскому идеалу”, “прекраснейшему и отвечавшему самой сути женственности”[2].

Эссе Элизы Линтон примечательно тем, что оно обозначило изменившийся статус девичества в эпоху модерна: взросление девочек стало осознаваться как проблема, связанная с кризисом традиционного идеала женственности, с разрушением представлений о его единственности и монолитности. В современном мире женственность - базовый концепт девичьей культуры - все чаще оказывается центром острой борьбы. В ней участвуют традиционные институты социализации и молодежные субкультуры, церковь и меняющиеся родительские установки, рынок и образы глобальной потребительской культуры, власть которых многократно усиливается благодаря электронным СМИ.

Очевидно, что никогда прежде массовая культура не создавала такого множества образцов для подражания, никогда ее творения не были столь вездесущими и никогда они не получали таких огромных возможностей влиять на отдельную жизнь *каждого* подростка. Тем не менее, общественное мнение не торопится признать новые версии женственности, которые активно осваивают девочки и юные девушки. Традиционные воззрения на гендерные роли, на доступные и приличные для девочек досуговые занятия и сексуальные практики сохраняются и поддерживаются с помощью целого арсенала религиозных и моральных аргументов, а также представлений о том, что девочка должна расти

в атмосфере безопасности, невзирая на то, что это с трудом достижимо в современных “обществах риска”.

Изменения, которые происходят в поведении девочек и в их ценностных предпочтениях, чаще всего рассматриваются как “опасные” и наталкиваются на неприятие. Более того, высокая степень заметности, “*видимости*” девочек в современной культуре сопровождается моральной и медийной паникой. Она возникает как реакция на то, что взросление девочки выходит из-под контроля традиционных институтов гендерной социализации - семьи и школы, - превращаясь в неуправляемый процесс или (что кажется еще более опасным) процесс, управляемый могущественными, не подконтрольными нам силами.

В той или иной степени это умонастроение характерно для большинства современных обществ, но в тех из них, где, как в России, легитимной признается единственная, традиционная модель женственности, новая ситуация не только вызывает растерянность и сильную тревогу, но представляется почти безысходной.

Смятение перед наплывом все более разнообразных репрезентаций женственности, конкурирующих между собой, но уже не претендующих на единственность и всеобщность, точно передано в популярном эссе Виктора Ерофеева “Почему дешевают русские красавицы?”. Опубликованное в 2004 году, оно во многом повторяет логику рассуждений и инвективы Элизы Линтон, жившей в викторианской Англии. Ерофеев назвал “новых русских девушек” разрушительницами женственности и возложил на них вину за то, что они потеряли ориентиры, которые помогли бы им понять свое действительное положение. Писателя отталкивает и пугает агрессивность, которая выражается в стремлении конкурировать на сексуальном рынке (девушка “страстно играет одну роль - сексуального объекта”, “своей одеждой она подчеркивает и выделяет эрогенные зоны”, “становится циничной и предсказуемой”). Ерофеев упрекает “новую русскую девушку” в том, что она жаждет удовольствий и страстно желает, если не “быть”, то “казаться” богатой (“она живет не по средствам”, “живет лучше, чем зарабатывает”, “тянется к жизни среднего класса”, “все более хочет от мужчин денег”). Ерофеев предупреждает, что “новые русские девушки” создают модель женского поведения, которая “складывается из взаимоисключающих понятий. Девушка романтична и прагматична, наивна и расчетлива, целомудренна и похотлива. [...] Одной ногой она стоит на поле

русской классической культуры, ее руин, другой - на дискотеке”. Иначе говоря, она больше “не имеет философской базы жизни”[3].

То, в чем состоит “философская база жизни” юной российской девушки, писатель объяснил, выступая 8 марта 2011 года на радиостанции “Эхо Москвы”. Ерофеев возложил все надежды на то, что “женщины гораздо более романтические существа, чем мы порой готовы их описывать в современном мире”. Конечно, жизнь сбивает их с этого изначального правильного ориентира (“я думаю, у нас, в России, гораздо больше романтических девушек, но у них не получается”). Поэтому “бывшая тургеневская девушка - она никому не нужна, и она теряется”[4]. А в результате она может стать “непорядочной” (например, сделаться проституткой) и попасть в разряд тех несчастных, которых надо пожалеть и о которых надо позаботиться государству.

Выбор, таким образом, оказывается простым, но жестким: девушка должна ориентироваться либо на “естественный” для традиционной культуры романтический образец, либо на некий новый стандарт, более массовый, но опасный и “аморальный”. Такой призыв дезориентирует прежде всего тех, к кому он обращен: и не потому, что романтический идеал женственности “плох”, а потому, что остается открытым вопрос о том, что значит быть “тургеневской девушкой” в современной России и как справиться с женской ролью в “посттрадиционном” (Энтони Гидденс) обществе.

Этот дискурс женственности, преобладающий сегодня в российской публичной сфере, - понятная, в целом, реакция на неуверенность, которую испытывает культура, лишаящаяся опоры на традиционные ценности в глобальном “обществе риска”. В еще большей степени его можно считать свидетельством моральной паники перед лицом возросшей неопределенности будущего и многочисленных вызовов, с которыми сталкиваются реальные девочки-подростки.

Исследования девичества: феминистские истоки и формирование повестки дня

Вопрос “что значит быть девочкой сегодня” - исходный пункт, с которого начинаются исследовательский интерес и научное внимание к девичьей культуре. Исследования девичества (*Girlhood Studies*), предметом которых являются разнообразные стороны жизни особой возрастной и гендерной группы, не столько формируют новые теоретические подходы, сколько представляют

собой интеллектуальные дебаты о девочках-подростках и юных девушках в современном мире. Тематика исследований - современные репрезентации девичества в культуре и то, как сами девочки понимают себя и свое будущее; способы, которыми урбанизация, консюмеризм, массовая культура и группы сверстников влияют на формирующуюся в девичьей культуре концепцию женственности; наконец, то, какую роль играет в культурных конструкциях девичества феминистский дискурс.

Важным стимулом к выдвижению этой повестки дня стала работа Анжелы Макробби и Дженни Гарбер “Девочки и субкультуры”, впервые опубликованная в 1970-х годах[5]. В ней доказывалось, что хотя девочки-подростки присутствуют в юношеских субкультурах, для которых характерно мужское доминирование, в них они в основном незаметны, “невидимы” и/или занимают маргинальное положение. Макробби и Гарбер ставят вопрос: какие роли играют девочки в этих субкультурах, организуют ли они собственную “культурную жизнь” как субкультуру или же они делают это каким-то иным способом? Обратившись в поисках ответа к Британии 1960-х и 1970-х годов, они обнаружили, что в юношеских субкультурах - таких, как скинхеды (*skinheads*) и тедди-бойз (*teddy-boys*), - девочки всегда играли вторичные, “поддерживающие” роли подруг или помощниц.

Несомненно, мир современных девочек-подростков и их культурных практик сильно отличается от мира, описанного Макробби и Гарбер применительно к “белому”, базирующемуся на классовых различиях обществу более чем тридцатилетней давности, но их работа все-таки стала важным шагом к созданию автономного направления исследований. Именно в этом качестве *Girlhood Studies* начали складываться в середине 1980-х годов в рамках гарвардского проекта исследований “психологии женщин и развития девочек” (1986-1994).

Современный подход к пониманию “девичьей культуры” не только как досуговых практик, осуществлявших функции половой социализации[6], а главным образом как пространства размышления, высказывания, действия и сопротивления, выкристаллизовался в дискуссиях и текстах, которые проводили и писали в тот период Кэрол Гиллиган, а также ее ученики и коллеги. Концепция, обосновавшая возможность и право женщин говорить собственным голосом[7], задала исследованиям девичества направление развития, которое,

например, описывается Лин Браун, коллегой и соавтором Гиллиган, следующим образом:

“Мы начали свою работу в середине 1980-х, когда “девочка” была синонимом незначимого, когда, исключая небольшое число частных школ для девочек, поддержавших финансово нашу работу, “слушать, что говорят девочки”, считалось пустой тратой времени и денег”[8].

Исследователи выявили способность девочек выразить сопротивление доминирующей культуре, которая идеализирует, маргинализирует и подчиняет их. “Мы были поражены силой и выразительностью юных девичьих голосов и писали о способности девочек справляться со столь сильными чувствами, как страх и фрустрация”. Исследователи раскрыли и описали способы, которые выработаны в культуре для того, чтобы сформировать внутренний мир девочек и их поведение по образцу, не подвергаемому сомнениям и критике. Они назвали эти способы “принуждением быть милой и доброй”[9].

Вступая в подростковый возраст, девочки испытывали на себе могущество “патриархатной конструкции”: они рассказывали о том, как шли на тяжелые компромиссы и приспосабливались, преодолевая переход от подростковости к взрослости. Испытывая и выражая сильные переживания, девочки быстро понимали, что это только отталкивает окружающих. Они чувствовали, что их естественное стремление полностью использовать свои физические и интеллектуальные способности создавало для окружающих некомфортную ситуацию, и это, в конце концов, заставляло их отказываться от попыток проявить себя под давлением страха оказаться “неженственными”. Результаты проекта были вызывающими для устоявшейся концепции женственности, сформированной по патриархатному образцу, игнорировавшему реальность внутреннего мира девочек-подростков, отвергавшему их конфликты, самые сильные и глубокие переживания. Так центром в исследованиях девичества стал опыт девочек, осознанный и проговоренный ими самими, и переосмысление женственности в девичьей культуре.

Опираясь на традицию, заложенную гарвардским проектом, *Girlhood Studies* в дальнейшем развиваются как междисциплинарное направление, сочетающее исследовательскую и гражданскую активность. Широко используются методы сбора и анализа информации, позволяющие самим

девочкам не только отвечать на вопросы интервьюеров, но и участвовать в интерпретации полученных результатов. *Girlhood Studies* нацелены на расширение исследовательского поля и включение в него разных обществ, на анализ вызовов глобального мира. Поэтому ключевыми темами становятся конфликтные репрезентации девичества в меняющихся, нестабильных обществах и проблемы девочек, находящихся в ситуациях разнообразных социальных рисков. Речь идет о подростках, живущих в тех регионах мира, где происходят глубокие социальные трансформации, войны и социальные катаклизмы, где девочкам затруднен доступ к образованию и медицинской помощи, где они сталкиваются с пренебрежением и насилием. С 2008 года результаты исследований широко представляет междисциплинарный журнал “*Girlhood Studies*”, выпуски которого строятся по тематическому принципу.

Несомненно, теперь девочки не только “видимы”, но часто доминируют в определенных жанрах массовой культуры, и, конечно, они в высшей степени “заметны” в пространстве Интернета. Несомненно и то, что исследования девичества, начавшиеся в русле феминистских идей, сумели сформировать собственную повестку дня и ввести девичью культуру как полноправный объект в поле междисциплинарных исследований.

Концепция “девичьей власти” и постфеминистская перспектива

Взрыв интереса к тому, что происходит с современными девочками, произошел во второй половине 1990-х и усилился в 2000-е годы. Этот интерес связан в первую очередь со стремительно растущим и все более агрессивным вторжением массовой коммерческой культуры в социализацию девочек-подростков и с возросшей активностью молодых женщин, которые прежде считались инертными, а теперь стали публично артикулировать свои желания и интересы. Возникшая на этой волне новая версия женственности нашла воплощение в концепции “девичьей власти” (*girl power*). Знаменательно, что она отсылает нас, с одной стороны, к феноменально успешной британской поп-группе “*Spice Girls*”, появившейся во второй половине 1990-х и сделавшей выражение “девичья власть” популярным, а с другой стороны, - к феминизму третьей волны, называемому также постфеминизмом. Последний не столько продолжает дело феминизма в новом столетии, сколько проблематизирует его теоретические подходы, идеологию и политическую практику.

Концепция *girl power* представляет собой своеобразное переосмысление понятия “женская власть”. В феминизме практикуется критика традиционной “женской власти” как манипуляции, “власти слабых” в условиях “патриархатной сделки”[10]. В противоположность этому феминистки разрабатывают концепцию *empowerment* (усиления влияния), согласно которой публичная власть женщин понимается как право доступа к ресурсам, контроль над ними, возможность принимать и проводить в жизнь решения в домашнем хозяйстве, политике, экономике, культуре. Власть рассматривается не как господство над другими, а как способность менять правила и потенциал трансформации[11]. Иначе говоря, в концепции *empowerment* речь идет о солидарных усилиях женщин по изменению общества.

Используя понятия силы и власти, *girl power* отвергает “патриархатную сделку”, но дистанцируется и от женского активизма, выдвигая в противоположность ему неолиберальную индивидуалистическую концепцию победительницы как основания гендерной идентичности. Постфеминистская концепция *girl power* использует культурные и политические результаты, уже достигнутые феминизмом. При этом *girl power* представляет собой отход от его идеологии и ключевых социальных идей, таких, как соединение личного и политического, стремление изменить положение женщин в обществе. Социальная солидарность и равенство возможностей оказываются здесь самыми уязвимыми пунктами. Концепция *girl power* настаивает не на равенстве возможностей, а на различиях (в том числе между девочками-подростками и между женщинами) и на допустимости иных (“немужских”) правил игры, используя которые, победительная женственность утверждается в динамичном и агрессивном современном мире. В центре здесь успех, полная самореализация и самосовершенствование, способность женщины побеждать в конкуренции, не меняя существующую общественную систему, а напротив, максимально соответствуя ее жестким, постоянно возрастающим требованиям. Поскольку в “индивидуализированном обществе” “жизнь каждого человека - это совокупность альтернатив, но той форме общества, в которой она проходит, альтернативы нет”[12], формируется перспектива, “параллельная” стратегиям женской солидарности и активизма, направленным на достижение главной цели феминистской политики - осуществление гендерного равноправия.

С точки зрения концепции *girl power*, прежний феминизм, если не “умер”, то основательно исчерпал свою роль, разрушив многие мифы патриархата,

традиционные гендерные стереотипы, основанные на них ограничения и открыв новые возможности для женщин, умеющих ими пользоваться. Массовая культура оформляет и многократно усиливает эту перспективу. Она создает и навязывает символы потребительского общества, среди которых ведущая роль принадлежит образам и брендам, позволяющим девочке и женщине изменять свою жизнь, экспериментируя со своим имиджем, меняя и совершенствуя свое тело, превращая его в средство выражения идентичности. В таком понимании *girl power* становится главным образом “проектом совершенствования собственного тела”, который приходит на смену феминистскому проекту освобождения женской личности.

Новая концепция женственности, появление которой было описано историком-феминисткой Джоан Брумберг[13], глубоко амбивалентна. Объясняя ее, известный американский фотограф Лорен Гринфилд, показавшая во многих странах мира свою выставку “Девичья культура” (“Girl’s Culture”), замечает:

“Тут есть влияние поп-культуры и отражение распада традиционных ценностей. [...] Я хотела показать ту крайне агрессивную среду, в которой воспитываются нынешние женщины. Это прямо-таки токсичное окружение - и мы об этом не думаем, мы в него погружены, мы в нем растим детей! [...] Быть современной женщиной весело, чудесно, красиво, но одновременно у этого есть и негативная сторона”[14].

Концепция *girl power*, выстроенная вокруг идеи девичьего и женского успеха, тоже отличается изначальной двойственностью. С одной стороны, она означает, что юные девушки могут получить то, к чему стремятся, и могут делать то, что хотят. В этом смысле *girl power* представляет собой новую версию женственности, созданную для нового времени, для потребительского неолиберального общества и характерную для феминизма третьей волны: освобожденная женственность предстает агрессивной и индивидуалистичной в проявлении своей силы.

С другой стороны, *girl power* - обозначение девочек, которые ведут себя рискованно и провоцируют ситуации риска (*girls at risk*). В таком понимании “девичья власть” соединяется с комплексом моральных и, шире, социальных вопросов, вызывающих глубокую озабоченность в обществе. Среди них подростковые беременности и болезни, передаваемые половым путем,

употребление наркотиков, вхождение девочек в банды, участие в актах насилия и так далее. Эта вторая сторона концепции “девичьей власти” ориентирует на исследование социальных, в том числе классовых, различий между девочками[15].

Переосмысление женственности в современных исследованиях девичества ведет к открытию “альтернативных” девичьих культур, поскольку раса, этничность, класс, локальные и иные идентификации существенно меняют культурные практики и опыт девичества. С этой точки зрения, перспектива, разрабатываемая в современных *Girlhood Studies*, открывает новые возможности для изучения обществ, где, как в России, теоретический и публичный феминистский дискурс не получил развития, но уже сложилось междисциплинарное поле гендерных исследований.

- 1) Linton E.L. *The Girl of the Period* // Saturday Review (London). 1868. March 14. P. 339-440.
- 2) Ibid. P. 443.
- 3) Ерофеев В. *Почему дешевеют русские красавицы?* // Московские новости. 2004. 21 мая.
- 4) См.: www.echo.msk.ru/programs/klinch/755080-echo/.
- 5) McRobbie A., Garber J. *Girls and Subcultures* // McRobbie A. (Ed.). *Feminism and Youth Culture: From “Jackie” to “Just Seventeen”*. Boston: Unwin Hyman, 1991. P. 1-15.
- 6) См., например: Борисов С.Б. *Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX века*. Автореф. докт. дис. М., 2002 (www.ruthenia.ru/folklore/borisov8.htm).
- 7) См.: Gilligan C. *In a Different Voice: Psychological Theory and Woman’s Development*. Cambridge: Harvard University Press, 1982.
- 8) Brown L.M., Gilligan C. *The “Girls” in Girl Studies* // *Girlhood Studies*. 2008. Vol. 1. P. 3.
- 9) Подробнее см.: Idem. *Meeting at the Crossroads: Women, Psychology and Girls’ Development*. Cambridge: Harvard University Press, 1992.
- 10) Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. *Патриархат и “женская власть” // Российский гендерный порядок* СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 68-75.
- 11) *Empowerment: влияние женщин на характер власти. Результаты исследования зарубежных проектов Фонда им. Генриха Бёлля*. Берлин: Фонд им. Генриха Бёлля, 1999. С. 28.
- 12) Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, 2002. С. LIII.
- 13) См.: Brumberg J.J. *The Body Project: An Intimate History of American Girls*. New York: Knopf, 1998.
- 14) См. интервью с Лорен Гринфилд: www.fotodepartament.ru/cat/533/ru.

15) Kehily M.J. *Taking Centre Stage: Girlhood and Contradictions of Femininity across Three Generations* // *Girlhood Studies*. 2008. Vol. 1. P. 51-71.